

В. И. Иванов — Е. Д. Шору

13 января 1930 г.,
Almo Collegio Borromeo, Pavia

Дорогой Евсей Давидович,

Счастливого и богатого радостями жизни и творчества желаю Вам с женой нового года. Глубоко трогают меня постоянно-новые доказательства Вашей верной и доверительной дружбы. Благодарю Вас от души и за хлопоты с Зибекком, и за все доброе, что Вы говорите обо мне в предисловии переводчика к «Р.<усской> Идее». Ваш план издания моих Aufsätze — грандиозен, я думал, что Вы [думаете — *зачеркнуто, Н.С. — Р.*] хотите ограничиться несколькими избранными. Быть может — и даже наверное — далеко не все заслуживает перевода; зато кое-что хотелось бы прибавить к статьям двух первых томов моих essays, — напр.<имер>, «Gogol und Aristophanes», — этюд, очень понравившийся в Цюрихе, — «die Klüfte — über die Krisis des Humanismus», и статьи о Скрябине (первая и самая большая из коих еще у меня в корректуре, и никогда не была издана, и книжку о символическом искусстве вообще). — Но о плане предполагаемого издания напишу потом и обстоятельно (в общем, Ваш проект распределения статей мне нравится); теперь же установим следующую очень верную норму: Принимаясь за перевод какой-либо статьи или группы статей, Вы предварительно уведомляете меня, что у Вас на очереди то-то и то-то; получив это уведомление, я немедленно перечитываю указанные Вами статьи и вношу в них по-русски необходимые изменения (сокращения [и — *зачеркнуто, Н.С. — Р.*], дополнения, частичные переформулировки) — и тогда только Вы начинаете перевод. Ибо все затруднения и задержки проистекают от моего несогласия (порой очень существенного) с прежней редакцией, с которой был сделан перевод. Это обстоятельство объясняет и задержку статьи «Ницше и Дионис»: перевод Ваш меня совершенно удовлетворяет, но статья, очень давняя, одна из первых, напечатанных мною в «Весах», явля-

ет много (устраняемых, впрочем) недостатков: местами невыносима сентиментальная риторика, местами изложение основной, правильной мысли неточно, сбивчиво, расплывчато. Так же трудности встретил я и в [Границах искусства — *зачеркнуто В. Ивановым, Н.С. — Р.*] «Ты еси» и даже во II-ой части Достоевского (особенно в характеристике Кириллова), и даже в строгом этюде «Границы искусства», где, теперь, нужно выкинуть все, относящееся к современным автору русским символистам; ибо эти «актуальности» нарушают теоретический стиль изложения. Думаю, что 3-ья часть Достоевского не представляет трудностей этого рода. Итак, еще раз: все мои перемены, за редкими или несущественными исключениями относятся не к переводам, а к оригиналам. Прибавлю два слова о предисловии переводчика. Помимо двух-трех чисто фактических поправок я не считаю себя в праве навязывать Вам какие-либо изменения, но так как Вы желаете знать мое мнение о нем, скажу, что в целом, на мой взгляд, оно написано с литературным тактом, в некоторых же частностях вызывает возражения. Выпишете: «die russ.<ischen> Symbolisten dagegen gehören zum Jahrhundert, in welchem die russ. <ische> Dichtung überhaupt erst entstanden ist». Русская поэзия «возникла» в XIX веке — в том смысле, в каком о немецкой можно сказать, что она возникла в XVIII в., — разумея в обоих случаях полный расцвет, «золотую эпоху»: Гете в Германии, Пушкин у нас. Но если под символистами Вы разумеете по преимуществу нашу группу (Блок, Белый, я), а не тех поэтов *fin de siècle*, которые следовали французским символистам и декадентам), другими словами, группу «второго призыва», а не «первого» — Бальмонт, Брюсов, Мережковский и др., из коих собственно символистами могли бы быть названы разве Мережковский и Сологуб), то едва ли точно отнесение этой нашей группы к XIX в. Ведь даже я, старший, издал свою первую книгу только в 1903 году. Значит, вместо [*zu welchem — зачеркнуто В. Ивановым, Н.С. — Р.*] «gehören zum Jahrhundert» было бы правильно сказать: «sind in dem Jahrhundert geboren»; и вместо «in welchem die r. <ussische> Dichtung überhaupt erst entstanden ist» — например, так: «in welchem die r. <ussische> Dichtung mit Pushkin ihren Höhepunkt erreicht hat». Далее следует непонятная мне фраза: «die westeuropäische Tradition, die sie in der Kunst und in dem geistigen Leben vorfanden, bedeutete für sie ein fremdes Gut» usw. В русской литературе символисты не могли найти ein fremdes Gut, потому что она была глубоко самаобытна и самостоятельна; как это давно признано повсюду, хотя, быть может, в каких-нибудь допотопных немецких Handbuch'ах и энциклопедиях еще и ныне можно вычитать, напр. <имер>, что Пушкин был русским перепевом Байрона.

Если символисты (но кто же именно?) обратились к народной стихии мифа и верований, то сделали они это вовсе не для того, чтобы какой-то fremdes Gut zu überwinden, а потому что эту дорогу указал искусству уже Пушкин, Достоевский же — философской и религиозной мысли. Наконец, о Христе Блока. Я утверждаю Auferstehung nach dem Tode [подчеркивание Иванова — Н.С. — Р.], Блок в «Двенадцати» утверждает Христа в революции [подчеркивание Иванова — Н.С. — Р.]. (Правда, этот проблематический Христос «в белом венчике из роз» нисколько не похож на Христа христиан). Столь резкое отрицание противопоставляю я символике Блока, которая представляется мне и ложною, и кощунственной. Между тем, говоря о духовной, эзотерической спаянности нашей новой группы символистов (что совершенно справедливо, несмотря на все бывшие внутри ея конфликты и противоположности), и иллюстрируя положения моей статьи о смерти и воскресении символом Блока, Вы невольно вызываете в читателе представление о нашем единодушии и в оценке наступившей революции. Это очень важно и ответственно; но именно с наступлением революции мы уже были друг другу духовно чужды, — прежняя община поэтов, узнававших друг друга, как Вы метко говорите, по некоей «ауре», — больше не существовала...

Еще раз сердечно благодарю Вас и заочно Вас обнимаю.

Ваш ВячИванов.

Текст предисловия и контракт высылаю под (*sic!* — Н.С. — Р.) заказной бандеролью.

[Дальнейшее — на отдельном полулисте — Н.С. — Р.]

Зачем Зибек так скупится на бумагу. Книжка вышла бы гораздо изящнее, если бы каждая из 4 ея глав начиналась с новой страницы.

Очень не нравится мне также, что Ваше предисловие (отзыв обо мне) набрано тем же шрифтом, что и текст статьи. Это типографская ошибка вкуса.

Почему Вы пишете себя I. (даже не J.) Schor, Ведь Вы хотите сохранить орфографию Jewsej — с J? Дорогой друг, послушайте меня, зовитесь в литературе Eusebius — очаровательное имя, любимое романтиками, единственно удобное для произнесения на Западе.

Простите меня за неуступчивость и любите по-прежнему, как я Вас.

Ваш Вяч. Иванов.

2) После Ваших слов: «Siebliebenunberührt vom Einflüsse der westeuropäischen Fin-de-siècle-Dichtung», я бы вставил примерно: «derdie Richtung[dervorsymbolistischen — *зачеркнуто*, Н.С. — Р.] ihrer Vorgänger = Modernisteninden 90erJahrengefarbt [bedingt — *написано сверху*, Н.С. — Р.] hat».

3) После «Siewarteten auf Tod und Auferstehung» я бы остановился и дальнейшее («nichtumsonst ... — erschienensah») о Блоке непременно вычеркнуть. Не забывайте, что «Двенадцать» суть «двенадцать» апостолов, идущих за «Христом»: это апостолы Лжехриста расстреливают «святую Русь». Блок утверждал, что большевизм и есть явление Христа... И мне несказанно тяжело видеть свои идеи приводимыми в связь с революционными чаяниями Блока.<...>

